

ПРИЗОВСКИЙ КРАЙ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.
Основана С. Х. Арутюновым.

ЛИСТОЧКИ.

Поминки.

Я иду изъ Ялты, гдѣ угласать Чехова, по направлению къ Таганрогу, красоту поэзии съ живыми изображениями памяти... Чеховъ родился въ море, купа заселено газетами и журналами, письмами его памяти... Чеховъ написалъ, оживающа въ итогѣ вышней литературной наследствѣ, въ милей отрадѣ чеховской «Стихи», таковой публикаціи поэзіи сакриментальныхъ и чувственныхъ декораций Крамса!

Но все, что написано по поводу грустной годовщины смерти Антона Павловича,—развѣ это литературная характеристика, воспоминания, критическихъ определений, угадываний? Это похоже скорѣе на любовные признания, на тихий и сладкий полотъ вѣчной юности.

«Милый, «любимый», «дорогой», «родной», «близкій», «живиши»...

Точно къ возлюбленному обращаться Россія эти интимныя, ласковыя, удивительныя, чеховскія слова.

Возлюбленный Россія! Вотъ настоящее определеніе Чехова, воз-

любленный, которому хочется отдать самыя чистыя, пестрѣлки и тайны свои думы.

Толстого уважали, Толстой быть гордостью Россіи, но къ его суроно-му обликку, къ его бабблейской монсѣ, къ его сѣйой беродѣ пророка не ищи слова личной избѣгости.

«Милый Толстой!» Такое сочетаніе было бы неестественно, оно просто никому не пришло бы въ голову, а вотъ къ Чехову обращается же такъ Россія:

— Милый Чеховъ.

Это отъ жесткости его, отъ необычайной женственности его натуры, стиля, поэзіи. Онь трепещетъ, какъ женщина, этотъ одноклассникъ, большой, гордый умъ, и столько беспечнаго, трепетного девичьего недодуманья было въ этомъ, начальномъ, страшномъ сердцѣ, на этихъ сильнѣющихъ устахъ.

Пушкинъ утверждалъ начало мужественное въ русской поэзіи. Это мужъ, почувствовавшій зриѣную монсѣ въ своихъ мускулахъ, постѣ дѣтскаго, подражательного периода нашего искусства.

И какой ясный, трезвый, заключенный и гармоничный мужской умъ, какое твердое мужское сердце! Это

созѣ Аполлона, сочетающій мудрость и красоту поэзии съ живымъ изображеніемъ мужской силы.

Чеховъ — жесткое отъ нашей почты. Съ него начались эти прекрасныя метафоры, блескныя метафоры, потрясшая искренность, острая приторочность «построенія». После Чехова поэзія перестала учить, проповѣдовывать — «не женское ли»; она стала искать формы, пародии, (академізм) и вотъ теперь выредилась въ истерику, въ литературную приводочность (Фестурикъ).

Это вырожденіе художественного начала въ нашій поэзіи, слутилось, конечно, не по винѣ Чехова, какъ нечестно считать Пушкина и твердый планъ его реализма причиною позиціи грубыхъ, молотистыхъ формъ русского патурализма.

Стройная, гармоничная жесткость чеховской лирики вспоминается, и ей вѣчно погнута, чуть поблекшая птица есть садокъ нашего энтузиазма!

Милый Чеховъ! Возлюбленный Россія!

Это звучитъ иль, всѣхъ воспоминаний, то единственно думу посмертныхъ сладостроя, иль каждую ночь глядѣть по душѣ чиковскѣе поминки.

Передъ Пушкинными благородными Турчаниными восхитились Достоевскій, боялись Толстого уважали, почти изолнили.

По Чехова любили. Вотъ эти глаза въ журналахъ, выпущенныхъ 2 июля 1914 года—они осталутся, какъ единственные въ своемъ родѣ, посвященные Россіи къ мертвому уму писателя.

Такъ умилительно говорить объ ушибѣ только вѣжло-любимаго. Такъ поклонялся слезами только блузкаго. И каждую мелочь, каждыи штрихъ поднималъ изъ прошлаго, какъ вѣкуну хрупкую пріоцѣбность, и радулится ей гордой, радостной восхищенніемъ...

Возлюбленная Россія!

Съ этимъ имѣешь, упѣть онь теперь въ исторію—улыбчивая, скорбная, женственная, юная, первая и послѣдняя любовь нашего поколѣнія!

ПЕССИМИСТЪ.